

18+

Диана Кинг

Ходячие Живцы

Слышишь пульс в руке? Это не сердце



Диана Кинг
**Ходячие Живцы. Слышишь
пульс в руке? Это не сердце**

<https://litres.ru/74147988>

ISBN 9785006996281

Аннотация

Древний вирус просыпается и начинает пересборку сознания. Люди падают. Встают с белыми глазами. Это не вирус, не радиация. Это сбор урожая, запущенный задолго до появления человека, чтобы остановить его, нужно понять логику чужого замысла. Обычные люди с «чёрной меткой» должны успеть в кратер Попигай. Что ждёт их там?

Содержание

Глава 1. МРТ	5
Глава 2. Колесо обозрения	12
Глава 3. Операционная	18
Глава 4. Аэропорт	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Ходячие Живцы Слышишь пульс в руке? Это не сердце

Диана Кинг

© Диана Кинг, 2026

ISBN 978-5-0069-9628-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. МРТ

Ночная смена в НИИ нейрохирургии. Тишина такая плотная, что Вера слышит, как в её собственных ушах стучит кровь.

Обычно коридоры гудели: вентиляция, шаги, голоса постовых медсестёр, радио на посту. Сейчас — ничего. Даже лампы мигают беззвучно, словно кто-то выкрутил звук из мира.

Вера стоит у терминала МРТ и смотрит на снимок. Пациент — мужчина, сорок пять лет, клинически мёртв уже восемнадцать часов. ДТП, травма несовместимая с жизнью. Тело лежит в соседней палате, ждёт патологоанатома.

Но на снимке — что-то не так.

Вера приближает изображение. В стволе мозга — структура, которой не было при поступлении. Похожа на кристаллическую решётку, пронизывающую ткань. Она пульсирует — прямо на экране, хотя МРТ не показывает движение.

— Странно, — шепчет она в диктофон.

Вынимает флешку, суёт в карман халата. Берёт телефон, чтобы позвонить заведующему. Телефон молчит. Не просто «нет сети» — он мёртв, даже не греется.

Вера идёт к двери. Останавливается.

За дверью — тишина. Такая, что закладывает уши.

Она медленно открывает дверь.

Коридор пуст. Лампы мигают через одну. Пол блестит, будто только что вымыли. Вера делает шаг. Второй.

— Есть кто?

Никто не отвечает.

Она идёт к посту медсестёр. Свет горит. Мониторы работают. Но стулья пусты. На столе — недопитая кружка кофе, ещё тёплая. Рядом — бейджик. Вера берёт его. Имя: «Ирина Кузнецова». Фотография улыбающейся девушки.

Сзади — звук. Мокрый, тяжёлый шаг.

Вера замирает.

Шаг. Ещё. Приближается.

Она медленно поворачивается.

В конце коридора стоит фигура в белой больничной рубашке. Голова опущена. Волосы мокрые, свисают на лицо. Руки висят вдоль тела — неестественно прямо, пальцы растопырены. Из рта течёт тёмная жидкость, капая на пол.

— Алло? — голос Веры сел.

Фигура поднимает голову.

Лицо серое, восковое. Глаза — белые, без зрачков. Кожа на висках лопнула, проступили мелкие кровоизлияния.

Вера узнаёт его. Пациент. Тот самый. Мёртвый восемнадцать часов.

Он делает шаг к ней. Хрустят суставы — как ломаются сухие ветки.

Вера не кричит. Она разворачивается и бежит. Не к лифту — туда долго. Не к лестнице — там темно. В свой кабинет. С металлической дверью.

Она влетает внутрь, захлопывает дверь, задвигает задвижку. Сердце колотится так, что темнеет в глазах.

Тишина.

Потом — удар в дверь. Один. Второй. Третий. Лбом. Глухо, ритмично.

Вера отступает к столу. Хватает флешку, телефон. Ножа нет. Скальпели — в операционной.

Удары прекращаются.

Из-за двери доносится шёпот. Неразборчивый. Слитный. Как будто говорит несколько человек одновременно. Детские, женские, мужские голоса — все разом.

«Открой».

Вера зажимает рот ладонью.

«Открой, — повторяет шёпот. — Мы уже внутри».

Она поднимает глаза. Вентиляционная решётка под толчком вибрирует. Из неё тянет сладковатым, приторным запахом — как от гниющих цветов.

Решётка начинает открываться наружу.

Вера переводит взгляд на экран терминала. Там всё ещё снимок мозга пациента. И на нём — та странная структура, пульсирующая, разрастающаяся.

Решётка падает на пол. Из вентиляции свешивается рука. Серая, с длинными пальцами.

Вера хватается тяжёлую подставку для книг и бросает в руку. Рука отдёргивается. Вера открывает задвижку, толкает дверь плечом — и выскакивает в коридор.

Коридор пуст. Пост пуст. Везде пусто. Только следы босых ног на полу — ведут к лестнице.

Вера бежит к окну в конце коридора. Разбегается. Ударяет ногой. Стекло взрывается. Она летит вниз. Третий этаж.

Удар о крышу машины. Боль в плече. Темнота.

Она открывает глаза. Над ней — чёрное небо. Ни звёзд, ни луны.

Вокруг — ни души. Город молчит. Только издалека, с во-

стока, доносится вой. Тысячи голосов.

Вера поднимается. Плечо горит. Она идёт по пустой улице к единственному окну, где ещё горит свет. Аптека. Дверь открыта.

Внутри — тишина. Она берёт бинт, обезболивающее, перевязывает плечо. Садится на пол, прислоняется к стене.

Флешка в кармане жжёт кожу. Вера вытаскивает её — маленький кусок пластика со снимками. Доказательство.

В углу аптеки что-то шевелится.

Вера поворачивает голову. За прилавком лежит мужчина в форме. Лицо разбито, глаза закрыты. Не дышит. Но палец на правой руке шевелится. Вверх-вниз. Вверх-вниз — как будто печатает на невидимых клавишах.

Вера встаёт, подходит ближе. На груди у мужчины — планшет. Экран светится странным зеленоватым светом, хотя аккумулятор мёртв. На экране — карта. Точки. Координаты. И список имён. Первое: Туманова Вера Сергеевна. Ниже — Корсаков, Громов, Ковалёв, Журавлёв и ещё десятки.

Вера смотрит на планшет. Палец мужчины всё двигается.

Она наклоняется к экрану. Новое сообщение: БЕГИ.

Она поднимает глаза.

Из-за прилавка, с другой стороны аптеки, на неё смотрят. Множество белых глаз. Те, кто лежал на полу, — они не спали. Они ждали. Они поднимаются. Все разом.

Вера выбегает на улицу. Ночь. Холод. Тишина — хуже любого крика.

Планшет знал её имя. Кто его оставил? И почему у неё самой начало пульсировать в затылке — в такт с тем, что росло в мёртвом пациенте?

Глава 2. Колесо обозрения

Екатеринбург, ЦПКиО имени Маяковского. Суббота, 19:47.

Денис держит Лену за руку, пока кабинка медленно ползёт вверх. Внизу город горит огнями. Мир ещё не знает, что у него осталось меньше часа.

— Денис, ты какой-то напряжённый, — Лена трогает его за плечо. — Мы на свидании. Расслабься.

— Расслаблюсь, когда сойдём, — он усмехается, но не отпускает её руки. — Не люблю эту чертову карусель.

— Колесо обозрения, — поправляет она. — И не каркай.

Денис смотрит на неё. Лена маленькая, хрупкая, с вечно бледным лицом — астма. Работает медсестрой в детской реанимации. Видит смерть каждый день, но улыбается.

— Смотри, как красиво, — выдыхает она.

Денис смотрит вниз. И вдруг — вспышка. Оранжевый шар, потом чёрный дым. Недалеко от парка.

— Что это? — Лена прильнула к стеклу.

— Не знаю.

Ещё одна вспышка. Ближе. И ещё. И ещё. Денис прищурился: вспышки идут цепью, с одинаковым интервалом.

— Лена, сядь.

— Что?

— Сядь и не вставай.

Он достаёт телефон. Сети нет. На экране на секунду вспыхивает: «Активация» — и пропадает.

Денис смотрит вниз. На площади перед колесом была очередь — человек тридцать. Сейчас они... не стоят. Некоторые лежат, некоторые на четвереньках, а некоторые — ровно, но их головы повернуты неестественно, под углом, который не может выдержать шея.

— Боже, — шепчет Лена. — У них... лица.

Даже с высоты видно: лица серые, глаза выпученные, бе-

лые, изо рта тёмные потёки.

— Лена, ингалятор у тебя?

Она хлопает по карманам. Лицо вытягивается.

— Я... оставила в машине.

Денис зажмуривается.

— Слушай. Я спускаюсь, беру ингалятор, возвращаюсь. Пять минут.

— Ты не можешь! Там эти... люди!

— Они не люди. А ты — человек. Жди.

Он открывает дверцу, начинает спускаться по наружной лестнице. Ступени скрипят. Внизу темно, только свет от пожаров. И звуки: крики, визг шин, стекло. И хруст — влажный, чавкающий.

Денис спрыгивает на землю. Машина стоит у входа в парк, метрах в ста. Нужно пройти мимо качелей, мимо фонтана.

Он идёт быстро, почти бегом. Вода в фонтане красная.

Мимо полицейской машины, врезавшейся в столб. Дверь открыта. Внутри никого. На сиденье — планшет. Экран светится зелёным, хотя машина обесточена. Денис хватает его, суёт под мышку. На экране появляется: «Добро пожаловать, Оператор».

Он не успевает удивиться. Рядом на скамейке сидит мужчина в костюме и держит в руках собственную оторванную кисть. Смотрит на неё. Потом поднимает глаза.

— Помогите, — говорит он спокойно. — Я потерял руку. Но мне не больно. Почему?

Денис пробегает мимо.

Машина Лены. Он разбивает стекло локтем, открывает бардачок, берёт ингалятор.

И слышит шаги. Много шагов.

Оборачивается. Их десять. Они выходят из-за деревьев, из-за ларьков. Белые глаза смотрят прямо на него. Рты открыты, из некоторых торчат куски плоти.

Но в конце аллеи стоит другой. Неподвижный. Мужчина в чёрном пальто, высокий, короткая стрижка. Когда вспыхи-

вает очередной пожар, Денис видит его лицо. Что-то знакомое — линия подбородка, разворот плеч.

Мужчина поднимает руку, указывает на планшет в руках Дениса. Потом одними губами произносит: «Сектор шесть. Иди туда». И исчезает в дыму.

Денис рвёт обратно к колесу. Забирается на опору, подтягивается. Толпа внизу воет. Он лезет вверх, ингалятор зажат зубами. Руки хватают за ботинки, он бьёт ногой — и они отпускают.

Кабинка. Лена стоит у открытой двери, белая как мел.

— Я думала, ты не вернёшься.

— Дыши.

Она делает два вдоха. Розовый цвет возвращается на щеки.

— Ты гений, — шепчет.

Он садится на пол. Внизу толпа не может забраться — лестница узкая, координация нарушена. Но они не уходят. Стоят и смотрят вверх.

— Что теперь? — спрашивает Лена.

Денис достаёт планшет. Карта. Точка в лесу — «Сектор 6». Пометка: «Ждать. Я приду».

— Кто-то хочет, чтобы мы туда пошли, — говорит он.

— Тот мужчина?

— Похоже. Он знал меня. Откуда — не знаю.

Он смотрит на небо. Ни звёзд, ни луны.

— Мы выберемся, — говорит он. — Обещаю.

Лена отворачивается к окну.

— Лучше бы ты купил мне те дурацкие сахарные вафли.

Денис невесело улыбается.

Кто такой человек в чёрном, похожий на Дениса? Почему планшет назвал его «Оператором»? И что за «Сектор 6»?

Глава 3. Операционная

Краснодар, областная больница. Суббота, 20:03.

Андрей Викторович Корсаков любил оперировать под классику. Чайковский, Седьмая симфония, адажио. В операционной всегда играла музыка — тихо, фоном, чтобы не мешала, но чтобы заполнить пустоту. Пустота в операционной — враг. Пустота означает паузу между ударами скальпеля, а пауза — это сомнение.

Сегодня он режет сердце. Пациент — молодой лейтенант, двадцать три года, с раной, несовместимой с жизнью по всем учебникам. Осколок мины — Корсаков не спрашивает, где, не спрашивает, когда. Важно только то, что сейчас под его пальцами бьётся чужая жизнь.

— Зажим, — говорит он, не поднимая головы.

Медсестра Надя не двигается. Стоит, смотрит в одну точку.

— Надя, зажим.

Она не отвечает. Корсаков поднимает глаза. Лицо мед-

сестры бледное, глаза расширены, но не белые — просто испуганные.

— Надя, ты меня слышишь? Зажим!

Она вздрагивает, будто очнулась, и быстро подаёт инструмент.

— Извините, Андрей Викторович. Что-то мне... дурно. В голове шум.

— Дыши глубже. Соберись. У нас человек на столе.

Корсаков берёт зажим, продолжает работу. Анестезиолог Семён Иванович смотрит на мониторы, изредка записывает показатели. Всё идёт по плану.

— Кровотечение усиливается, — замечает Корсаков. — Аспиратор.

Надя не подаёт. Снова замерла.

— Аспиратор, вот же!

Надя трясёт головой, будто отгоняет муху, и протягивает трубку. Корсаков убирает кровь, видит повреждённый сосуд,

зажимает. Сердце бьётся ровно, хотя лёгкое пробито, а печень задета. Лейтенант крепкий. Такие выживают.

— Семён Иванович, давление?

— Девяносто на шестьдесят, — отвечает анестезиолог. — Стабильно.

Корсаков работает дальше. Накладывает швы, проверяет герметичность, убеждается, что кровотечение остановлено. Потом выпрямляется, откладывает скальпель.

— Закрывайте, — говорит он. — Переводите в реанимацию.

Он уже повернулся к умывальнику, когда услышал звук. Сначала он подумал, что это помехи в динамиках — Чайковский вдруг прервался шипением. Потом шипение перешло в кашель. Корсаков обернулся.

Семён Иванович сидит на своём стуле, согнувшись пополам. Его лицо серое, глаза выпучены, изо рта течёт слюна с тёмными прожилками.

— Семён? — Корсаков делает шаг к нему.

Анестезиолог поднимает голову. Его зрачки расширены и не реагируют на свет, радужка побледнела.

— Надя, назад! — кричит Корсаков.

Медсестра замирает с дренажной трубой в руках. Её лицо тоже меняется — прямо на глазах кожа теряет цвет, становится восковой, глаза закатываются.

— Надя?

Она смотрит на него. Белыми глазами. И улыбается. Не той улыбкой, которой улыбалась пять лет. А другой — пустой, механической.

Корсаков отступает к столу. Пациент лежит с открытой грудной клеткой — швы наложены, но кожу ещё не зашили. Сердце бьётся под плёнкой, ровно, надёжно.

Семён Иванович встаёт. Его движения неестественные — он не поднимается, а выпрямляется, как кукла, которую тянут за нитки. Делает шаг. Второй.

— Не смейте, — говорит Корсаков тихо. — Я не дам вам его тронуть.

Он наклоняется к лейтенанту, шепчет:

— Слышишь, парень? Ты на сержанта учился? Присягу давал? Вот и я давал. Врачебную. Не имею права тебя бросить.

Корсаков хватает со стола скальпель — не тот, которым оперировал, а запасной, острый как бритва.

— Семён, остановись. Я не хочу тебя резать.

Анестезиолог не останавливается. Он идёт на него, выставив вперёд руки с растопыренными пальцами. Из-под ногтей сочится тёмная жидкость.

Корсаков ударяет первым. Не в горло — в плечо. Скальпель входит глубоко, рассекая мышцы до кости. Семён Иванович даже не пошатывается. Он просто протягивает руку и хватается Корсакова за халат.

— Отпусти!

Корсаков вырывает лезвие, ударяет ещё раз — в грудь, в живот, в лицо. Кровь тёмная, густая. Семён Иванович падает, но продолжает ползти, оставляя на полу тёмный след.

Сзади слышится шорох.

Корсаков оборачивается. Надя стоит у двери и смотрит на него. Она не нападает. Она ждёт. И за её спиной, в коридоре, Корсаков видит других. Медсестёр, санитаров, пациентов в больничных рубашках. Все с белыми глазами. Все с тёмными потёками изо рта. Все молчат.

— Что вам нужно? — спрашивает Корсаков.

Вместо ответа они делают шаг вперёд. Все одновременно.

Они бросаются не на него. Они бросаются к столу. К пациенту. Корсаков загораживает его собой, размахивая скальпелем. Надя хватается за руку, но Корсаков вырывается, отталкивает её.

— Закройте дверь! — кричит он, сам не зная кому.

И дверь закрывается. С другой стороны. Кто-то — живой? — задвигает засов. Корсаков не видит кто, но слышит, как лязгает металл. Надя и остальные оказываются отрезаны. Они бьются в дверь, царапают её, воют.

Корсаков переводит дыхание. Смотрит на пациента. Потом на свои руки — в крови, тёмной и красной.

— Я доведу, — говорит он тихо. — Я тебя не брошу.

Он берёт иглодержатель, нить и начинает зашивать грудную клетку. Пальцы дрожат, но швы ложатся ровно. Он работает быстро, как учили в молодости — в полевых условиях, когда каждая секунда на счету.

Через несколько минут грудная клетка закрыта. Корсаков накладывает повязку, проверяет дренаж, подключает переносной аппарат ИВЛ.

— Всё, парень. Теперь твоя очередь.

Он откатывает каталку к двери. Прислушивается. С той стороны тихо. Слишком тихо.

Корсаков толкает дверь плечом. Коридор пуст. Только на полу — следы босых ног и тёмная лужа там, где упал Семён Иванович.

Он катит каталку к лифту. Нажимает кнопку. Лифт не едет — свет погас. Тогда он поворачивает к лестнице. Ступени скрипят под тяжестью каталки. На втором этаже кто-то воет. На первом — плачет ребёнок.

Корсаков не останавливается.

Он выкатывает каталку на улицу, через разбитую дверь приёмного покоя. На улице темно. Фонари не горят. Только далёкие пожары освещают небо багровым.

— Эй! — кричит кто-то из темноты. — Вы живой?

Корсаков поворачивает голову. Из-за припаркованной машины выходит мужчина в гражданском, с ружьём наперевес.

— Живой, — отвечает Корсаков. — И пациент живой. Помогите.

Мужчина подходит, смотрит на каталку, на лейтенанта, на Корсакова, залитого кровью.

— Что это было? — спрашивает он.

— Я не знаю, — честно отвечает Корсаков. — Но они хотели забрать его. Я не дал.

Мужчина помогает закатить каталку в грузовой фургон. Корсаков садится рядом с пациентом, берёт его за руку — холодную, но живую.

— Кто вы? — спрашивает мужчина, закрывая дверь.

— Врач, — говорит Корсаков. — Просто врач. А это — моя работа. Даже если мир рухнул, кто-то должен оставаться человеком.

Фургон трогается. Корсаков смотрит в маленькое окошко на задней двери. Больница горит. Из окон выпрыгивают фигуры — белые, ломаные, и, падая, продолжают ползти.

— Куда мы едем? — спрашивает он.

— Подальше, — отвечает мужчина. — Туда, где есть связь.

Корсаков ничего не отвечает. Он смотрит на лейтенанта. Фургон увозит их в темноту. Позади горит город. Впереди — ничего.

Корсаков замечает под ключицей лейтенанта странное уплотнение — твёрдое, как камешек. Такое же он видел у себя в зеркале сегодня утром. Оно пульсирует в такт с далёким воем за окном.

Глава 4. Аэропорт

Москва, Домодедово. Суббота, 19:52.

Александр не любил аэропорты. Слишком много людей, слишком много суеты, слишком много мест, где можно спрятать бомбу. Двадцать лет в полиции — двадцать лет привычки видеть угрозу там, где обычный человек видит толпу.

Сегодня он встречал жену. Она летела из командировки — Владивосток, какие-то переговоры, ничего особенного. Рейс задерживали, потом объявили посадку, потом снова задержали. Александр стоял у выхода и смотрел на табло.

Рядом крутилась девочка лет шести. Светлые волосы, синяя куртка, розовый рюкзак. Она вертела головой, искала родителей, но те куда-то отошли. Александр улыбнулся — вспомнил свою дочь. Такая же была в этом возрасте. Теперь она уже взрослая, в университете, в другом городе.

— Алиса! — крикнула женщина в толпе. — Алиса, стой!

Девочка обернулась, но не пошла на голос. Её внимание привлекло что-то за стеклом — самолёт выруливал на взлётную полосу.

— Красиво, правда? — сказал Александр.

Девочка кивнула, не отрывая взгляда.

— Алиса, сейчас же ко мне! — мать пробивалась сквозь толпу, но люди стояли плотно, никто не хотел уступать дорогу.

Александр хотел помочь, но в этот момент погас свет.

Не везде. Только в зале вылета. Лампы моргнули раз, другой, потом загорелись снова, но уже не все — через одну. Кто-то охнул, кто-то выругался. Табло погасло, потом замигало, показывая непонятные символы.

— Внимание пассажирам, — раздался голос из динамиков. — Технические неполадки. Просьба сохранять спокойствие.

Голос был слишком спокойным. Александр насторожился.

Заиграла музыка — лёгкая, приторная, как в лифте. Но она быстро сменилась шипением, а потом — тишиной.

— Саш, — позвонил кто-то. — Саш, ты где?

Он поднял трубку. Жена.

— У выхода. А ты?

— Я уже в зоне прилёта, прошла паспортный. Тут что-то странное. Люди... люди падают.

— Падают?

— Да, просто так. Стоят, потом падают. Не быются в конвульсиях, просто... засыпают? И у некоторых из ушей течёт тёмная жидкость.

— Не подходи к ним. Поняла? Ищи выход на улицу.

— Я попробую.

Связь оборвалась. Александр набрал снова — не отвечает. Ещё раз — гудки, потом сброс.

Он огляделся. Толпа начала волноваться, но ещё не паниковать. Люди смотрели на табло, на мигающие лампы, на телефоны, которые перестали ловить сеть.

— Алиса! — снова крикнула женщина. — Алиса, где ты?

Девочка исчезла. Александр огляделся — её не было ни у стекла, ни у колонны, ни у стоек регистрации.

— Алиса! — крикнул он.

— Она там! — показал какой-то мужчина на эскалатор вниз.

Александр побежал. Люди расступались — кто-то уже падал, кто-то стоял на четвереньках, кто-то смотрел в потолок белыми глазами. Он не обращал внимания. Он искал синюю куртку.

Эскалатор вниз — она там. Сидит на ступеньке, сжалась в комок, плачет.

— Алиса! — Александр схватил её за руку. — Пошли!

— Мама! — закричала девочка. — Я хочу к маме!

— Мама сейчас придёт, но нам нужно выйти на улицу. Поняла?

Она кивнула, всхлипывая. Александр подхватил её на ру-

ки и понёс. Вверх по эскалатору — против движения, потому что вниз ехали другие, с белыми глазами, с тёмными потёками изо рта.

Он выскочил в зал вылета. Там было пусто. Не совсем — несколько фигур стояли неподвижно, как манекены. Одна из них — женщина. В пальто, с дорожной сумкой. Лицо бледное, глаза белые, изо рта течёт тёмное.

— Мама! — закричала Алиса. — Мама, это я!

Женщина не ответила. Она повернула голову на звук — неестественно, с хрустом — и сделала шаг.

— Не та, — сказал Александр и побежал к выходу.

Стеклянные двери были открыты. На улице горели фонари, но машин не было. Только несколько человек бежали к стоянке. Один упал, вскочил, побежал дальше. Другой стоял на коленях и смотрел на небо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.